



Анастасия
Шерр

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МОЛОХ
УКУС КОБРЫ

Анастасия Шерр Молох. Укус кобры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67472742

SelfPub; 2022

Аннотация

Лежа на лестничной площадке, я истекала кровью и думала о том, как несправедливо и обидно будет погибнуть вот так. Сквозь дымку во взгляде увидела склонившуюся надо мной тень, а в следующую секунду чья-то огромная ручища схватила меня за шиворот и дёрнула вверх.

– Эй, живая? – послышался грубый, хриплый голос. – Я об этом пожалею, – проворчал мужик и последнее, что я увидела перед тем, как отрубиться – огромную, страшную кобру на его предплечье.

*** Он вернётся через десять лет, чтобы отомстить ей за предательство... Он вернётся, чтобы уничтожить её, стереть в своей груди последние следы той ядовитой любви. Но, увидев её, счастливую, замужнюю, с сияющей улыбкой, поймёт, что любовь мутировала в одержимость и теперь её не вырвать из сердца.

Содержит нецензурную брань.

Анастасия Шерр

Молох. Укус кобры

ГЛАВА 1

2010 год

– Эээ, девка! Вставай! Ну! Подъём! Чего разлеглась тут? Тут, между прочим, нормальные люди отдыхать собираются, а она свои тряпки развесила, млять, – какая-то баба тормошила меня за плечо и часто дышала в лицо как минимум трёхдневным перегаром. К нему добавился запах немытого тела и грязной одежды. Опять бомжи пожаловали.

Я открыла один глаз, поморщилась, увидев перед собой какую-то тётку неопределённого возраста. Неопределённого – это из-за фингала под левым глазом и пропитой, опухшей хари. Ей могло быть как шестьдесят, так и тридцать пять. Хрен поймёшь.

Хотела сказать алкашке, что ей тоже не мешало бы развесить свои тряпки, предварительно их простирнув, как делаю это я у городской колонки. Но, видать, у тетки были другие планы. У неё и двух её дружков, что стояли чуть поодаль и пялились на меня, аки голодные львы. Ну как львы... Скорее, облезлые помоечные кошки. Но даже так назвать их не поворачивается язык. Кошки поприятнее будут. Даже пле-

шивые и блохастые.

Натянув на голый зад плед, я вздохнула и села. Трое против одной – не потяну. Хоть они пропитые и еле передвигают ногами, а все же возьмут численностью. Надо сваливать. У нас на улице так: кто сильнее, тот и победил. Вчера победила я, выгнав из самой приличной комнаты заброшки какого-то наркошу. Сегодня победили бомжи. Всё нормально. Жаль только, не выпалась.

– А-ну, отвернули рожи! – рывкнула я на мужичков-боровичков, продолжая натягивать на себя плед и одновременно пытаюсь дотянуться до джинсов на веревке. Один, обиженно поджав свои губы в болячках, отвернулся, второй же продолжил пялиться с наглой ухмылочкой Казановы.

Быстро натянув на себя ещё сырое шмотьё, собрала свои скромные пожитки и была-таки изгнана из ночлежки. Что ж, вечером найду себе что-нибудь поуютнее. Наверное.

На рынке, где я обычно завтракала, уже набралось народу битком. Отлично. В толпе проще свалить.

Протянув руку к корзине с ярко-красными яблоками, незаметно дёрнула парочку и сунула их в свою потрёпанную сумку, висящую на бедре. То же проделала и с пирожком у беляшной – стащила его прямо с одноразовой тарелки какого-то зеваки. Что ж, завтрак сегодня роскошный.

Завернув за угол, залезла в старую ракету, оставшуюся от бывшей площадки для детей. Здесь мы с Мартышкой не раз прятались от взбесившихся торгашей. Тут же ели, иногда

спали, курили. Благо моя худосочная комплекция позволяла. А Мартышка и вовсе малявка, ей и в крысиную нору не проблема протиснуться.

– Привет, – тут же её и нашла. Мартышка, она же Анька, спала в ржавой ракете, свернувшись клубком. – Ты здесь ночевала?

– Ага, – зевнула чумазая и, откинув грязный, оборванный кусок одеяла, явно с мусорки, с интересом заглянула в мою сумку, откуда я выуживала еду. – Ого, ты уже пожрать нашла? – протянула с завистью.

– Ладно, – вздохнула я. Не оставлять же мелочь голодной. – На вот, – сунула ей яблоко, а сама откусила пирожок.

– А мне? – обиженно протянула Мартышка.

Выругавшись про себя, протянула ей половину пирожка.

– На уже, – и зачем я в эту ракету полезла? Пожрала бы нормально где-нибудь в другом месте. Теперь эту вот корми, и сама голодной оставайся.

– А я знаю, где можно бабла срубить, – как бы между прочим ляпнула Мартышка, оттяпывая неприлично большой кусок пирожка.

– И где? – так же незаинтересованно спросила я, доедая кусочек теста и хватаясь за второе яблоко, пока Анька не выклянчила и его.

– Там у входа на базар бабка одна появилась. Сидит отдельно от других, продаёт груши. А деньги складывает под ведро, я сама видела. Если я бабку отвлеку, ты можешь баб-

ки стырить. Только сразу давай договоримся: мне половину.

Я хмыкнула. Ишь ты, предприимчивая какая. Засранка мелкая.

– Не, бабку обворовывать запаadlo, – ответила ей.

– Ну, тогда я сама, – гордо вздёрнула нос малявка.

– Ну и дура, – констатировала я.

– Сама такая.

– Ладно, – сгрызла яблоко до последнего кусочка и полезла наружу. – Плед тебе пока оставлю, вшей в нём не заведи. Вечером приду.

– Угу, – пробурчала Мартышка мне в спину.

После нехитрого завтрака жить стало веселее, но мой безразмерный желудок всё ещё требовал жратвы, и я снова сунулась на рынок, натянув капюшон олимпийки на глаза. И тут же, пройдя ворота, прошвырнулась взглядом по снующим туда-сюда людишкам. Мгновенно выцепила из толпы несколько человек, отличающихся от остальных дорогим шмотьём. Какой-то толстопузый, бритоголовый новый русский шагал впереди в кашемировом пальто, а за ним топали двое внушительных мордovorотов. Это же тот урод, что рынок держит. Вон и раздутая от бабла барсетка в руке. Дань с торгашей пришёл собирать.

Уже раз десять хотела я обчистить этого упыря, да всё никак с духом не могла собраться. Если его мордovorоты меня заловят, то там мне пиздец и настанет. Эти почки поотбивают, как пить дать. Видала я пару раз, как они долги из нищих

торгашей выбивали. Твари.

А сейчас вдруг подумалось, что если не сейчас, то когда тогда? И жрать так хочется, хоть волком вой. Дёрну у него браслет, вон какой толстый висит на жирном запястье.

Пока пробиралась сквозь толпу, боров со своими прихлебалами остановился у сигаретного ларька, заглянул в приоткрытую дверь. Самое время. И я, сорвавшись с места, ломанулась к нему, едва не сбивая с ног одного из охранников.

– Дядя Дима, привет! – бросилась жирному на шею, тут же попятилась, состроив удивлённое лицо.

– Ты чё, ёпт?! – рявкнул тот, поворачиваясь всей тушей ко мне.

– Ой, обозналась... Извините, пожалуйста, – мило заулыбалась я и, невинно пожав плечами, пошла в сторону.

– Ишь ты, попрыгунья, – услышала вслед его насмешливое, и сама улыбнулась, сжимая в ладони тяжёлый браслет.

Вот только рано радовалась. И знала ведь, надо уносить ноги, да пошустрее. Но отчего-то не поспешила: то ли гордыня меня подвела, то ли недооценила противника. А когда услышала в спину «стоять, сука!», было уже поздно.

Я, конечно, бросилась наутёк, да только сбежать не успела, один из мордovorотов нагнал меня у самых ворот рынка и схватил за шкурку, как нашкодившего котёнка, отрывая от земли.

– Сука! Браслет у меня спиздила! Ты гляди на эту тварь! – рычал бритоголовый боров, наступая на меня огромной ту-

чей.

Я было усмехнулась, но усмешку эту тут же стёрла сильная, до ужаса болезненная пощёчина.

– В машину эта шалаву! В сауну со мной поедет, – злобно зашипел бандюк, а я всхлипнула, когда поняла, что шутки закончились.

Браслет из моей руки выдернули и потащили за шиворот к двум джипам, стоящим на въезде на рынок. И хоть бы одна тварь из всей толпы, остановившейся понаблюдать за этой сценой, дёрнулась мне помочь.

В тот день мне исполнилось восемнадцать.

ГЛАВА 2

– Чё, овца, страшно? – на заднее сидение джипа ввалился лысый боров, а я автоматом вжалась в дверь.

Страшно, конечно. Он рожу свою вообще видел? Офигеть какая мерзкая.

– Отпустите меня, пожалуйста, – начала было клянчить я, но жирный урод достал из кармана свой мобильник и приложил его к уху.

– Всё готово, Кузьминична? Ну ты это, давай там стол накрой, чтобы как надо всё. Я с друзьями буду сегодня, – и бросил косой, насмешливый взгляд в мою сторону. Вот тварь! По кругу меня пустить хочет.

– Помогите! Помогииитееее! – завопила я во всё горло, отвернувшись к окну, и начала молотить кулаками по стек-

лу. Только стёкла джипа были наглухо затонированы, а сама тачка мчалась так быстро, что вряд ли меня кто услышал бы.

– Ебальник закрой, овца! – оборвал мои никчёмные попытки лысый и довольно откинулся на кожаную спинку сидения. – Щас бы ещё ор твой слушать. Отработаешь мне моральный ущерб и вали на все четыре стороны.

– Я... А я несовершеннолетняя! Меня мамка дома ждёт, если через час не вернусь – в ментовку сразу побежит. А я скажу, что вы меня изнасиловать хотели! Я знаю, кто вы, ясно? – пошла в наступление, хотя получалось довольно фальшиво.

– Ага, – скучаяюще зевнул боров. – Несовершеннолетняя, мамка, ментовка. Я всё понял.

С переднего сидения послышался смешок – ржут, суки поганые. Напугала ежа голым задом... Как будто у нас бандюки ментов боятся.

– Педофил, что ли? – прищурилась я, используя последний козырь. Так себе козырь. Но попытаться стоило. Смешки спереди прекратились, а лысый перевёл на меня взгляд своих белёсых, заплывших то ли от обжорства, то ли с перепоею глазёнок.

– Да мне поебать, сколько тебе там. Сиськи есть, ебать можно, – мордovorоты, сидящие впереди, снова заржали, а я поняла, что конкретно влетела. И как от них свалить, спрашивается?

– Дяденька, ну отпустите, а? Я честно-честно больше не

буду!

Но тут машина резко встала, а я ударилась носом о подголовник водительского сидения и заорала, на сей раз от боли. Кровь хлынула из носа прямо на джинсы, а я заревела от обиды.

– Бляя, эта шмара весь салон залила! В парилку её отведи́те, пусть отмоется! – заорал на мордovorотов лысый, и тут же с моей стороны распахнулась дверь.

Я было попыталась выскочить на улицу, оттолкнув охранника, да куда там. Тот даже не покачнулся. Ловко сцапав меня за капюшон, матюгнулся и потащил внутрь здания с говорящей надписью на вывеске «Баня».

В мрачном помещении было душно и воняло какой-то травой. А нас встречала пышнотелая тётка в белом халате, уперев руки в то место, где должна была быть талия.

«Кузьминична», – промелькнуло в голове.

– А это что за чучело? – недовольно нахмурилась она, кивнув на меня. А как же женская солидарность, тётенька?

– Да её отмыть надо. И в комнату отдыха. Михей сегодня угощает корешей, – хмыкнул, а Кузьминична покачала головой.

– Эту, что ли? Какая-то она щуплая. Чё, одну на всех, что ль? Она ж из-под них не вылезет.

– Да мне как-то насрать, тётъ Тань, – толкнул меня мордovorот, и тётка цепко схватила за предплечье. – Проворовалась эта соплячка, пусть отдувается. Сама знаешь Михеича,

все получают по заслугам.

– Ну, как знаете, – пожалала тётка плечами и потащила меня дальше по коридору, в комнату с бассейном и несколькими душевыми. Сама остановилась у двери, кивнула на кабины.

– Давай шмотьё снимай и мойся, скоро придут, – объявила мне таким тоном, словно я к ним сама проституткой попросилась. – Вон там полотенца лежат.

– Не буду, – упрямо встала в позу, зажимая переносицу двумя пальцами. Кровь всё никак не останавливалась.

– Ну смотри, гости придут, уговаривать не станут, – равнодушно пожалала плечами Кузьминична, а я бросилась к ней.

– Тётъ Тань, отпустите, а? А им скажите, что я сама сбегала! Ну, пожалуйста! – уставилась на неё голодным щенком и, честно говоря, была уверена, что тётка таки сжалится. Но та лишь цокнула языком, шагнула назад, прикрывая дверь.

– Лучше сама помойся, а то эти придут, по роже ещё получишь, – и захлопнула перед моим носом дверь, тут же закрывая её на ключ. Я пнула её ногой, но дверь ожидаемо не поддалась. Вот сука Кузьминична! Женщина ещё, называется! Впрочем, удивляться я уже давно разучилась. Лет с десяти уяснила, что люди – те ещё твари.

Надо валить. Как-нибудь улизнуть. Я быстро огляделась, вздохнула. Нет тут ни окон, ни другой двери. Только в парилку приоткрыта, но оттуда бежать некуда. Да и первым делом все должны бы за стол сесть, вон какая поляна накрыта. А потом набухают, в парилку пойдут. И тогда смогу вы-

скочить, вряд ли Кузьминична станет и их запереть. Но до того меня могут три раза поймать прямо здесь. Зыркнула голым взглядом на стол. Некстати заворчал живот, но сейчас было не до еды. Надо спрятаться, вдруг забудут? Не ради меня же они здесь собираются.

И я не придумала ничего лучше, кроме как закрыться в самой дальней душевой. Там смыла с лица кровь, выключила свет и тихонечко затаилась до лучших времён.

Гости пришли спустя полчаса, когда я уже успела успокоиться и даже прикемарить, забившись в уголок. Меня никто не искал, что уже радовало – значит, есть всё же шанс улизнуть. Активно чокались, пили, орали матом, кого-то поздравляли и обсуждали каких-то лохов, у которых отработали кабак. Я особо в их разговоры не вникала, ждала подходящего момента, когда они зайдут в парилку и проходная комната останется пустой.

Вот только такого шанса мне не дали. Спустя час пьянки, когда языки бандюков уже начали заплетаться, я вдруг дёрнулась от того, что кто-то подошёл к двери моей кабинки и медленно, со скрипом её открыл.

– О! Я ж говорил, где-то здесь она. Иди сюда, ну-ка! – лапища Михея дёрнула меня вверх и выволокла из кабинки.

Загудели уже здоровски бухие мужики, а я с ужасом сглотнула и быстро их посчитала. Пять. Пять здоровых, жирных, бритоголовых бугаев расселись на диванчиках вокруг стола и все пятеро вылупили на меня свои сальные глазёнки.

Твою же... Вот попала!

Шестого заметила не сразу, а лишь когда Михей толкнул меня в сторону стола. Тот сидел чуть поодаль, точил здоровенный нож с блестящим лезвием и деревянной, резной ручкой. Этот мужик даже не поднял на меня глаз. И никак не отреагировал на появление лысого в моей компании. В отличие от остальных.

– Чёт какая-то она зачуханная, – послышалось насмешливое. – И рожа уже подрезтованная. А говорил, девочка!

– Зато молодуха! – проорал мне в ухо поддатый Михей. – Гляди, какая! – дёрнул молнию олимпийки, а я заорала во всю глотку, задёргалась и вцепилась ногтями в руку уроды. А тот едва ли не кончил от моего трепыхания, мне даже показалось, что бедра коснулся его стояк. Опустила ошалевший взгляд вниз и поняла: так оно и есть. Полотенце под жирным пузом топорщилось, словно палатка.

Затошнило, благо блевать нечем. Хотя, скорее, жаль.

Я запищала, когда ручища бандюка схватила меня за зад, а слюнявый рот, воняющий водкой и куревом, полез к моим губам.

В следующий момент стиснула зубы и под дружный хохот его дружков, вмазала уроду коленкой по яйцам. Тот так завопил, что зазвенело в ушах.

– Сукаааа! – А потом зазвенело от хлёткой пощёчины. Я упала на кафельный пол и тихонечко, но быстро поползла в направлении выхода. Только свалить опять не успела. Меня

снова схватили, на сей раз за волосы. Толкнули в центр, прямо в гущу этих ублюдков, и я больно напоролась животом на край столешницы. Зазвенели бутылки, дым из пепельницы пахнул в лицо. А кто-то придавил меня к столу, надавив на лопатки, и принялся расстёгивать мои многотрадальные джинсы. Михей. Тварь мерзкая.

Через минуту я сорвала голос. Ещё через две – мои штаны спустились до колен, и Михей начал пристраиваться сзади под дружное улюлюканье мерзких подонков. Наверное, в тот момент я и поняла, что это всё. Конец.

Всё зря. И многочисленные побеги из детского дома, и поиски родителей. И плед, который мне подарила добрая бабулька с рынка. И мои мечты стать когда-нибудь кем-то значимым. Всё напрасно. Потому что сейчас меня изнасилуют хором эти твари, и даже если я выживу, то жизнь прежней уже не станет. Хотя бы прежней... О чём-то лучшем уже не мечталось. В один миг исчезли все надежды.

Я стиснула зубы, упрямо глотая рвущийся наружу вопль. Последний, перед тем как пьяное животное сзади трахнет меня на глазах у своих дружков. Последний вдох и последняя попытка...

Я цепко схватилась за столешницу обеими руками и рванула её вверх, опрокидывая стол и всё его содержимое прямо на красномордых, бухих мразей. Тому, который удерживал меня сзади, я хорошо приложила затылком в нос, и он, поскользнувшись на влажном полу, завалился назад. А я рва-

нула в сторону, но тут же на что-то налетела, и бок взорвался острой болью.

Мужик, который точил свою финку... На неё я и напоролась.

ГЛАВА 3

2021 год

– Красивая баба. Твоя? – к шконке подошёл какой-то мужик, облокотился на вертикальные железки второго яруса, кивнул на фотографию, выглядывающую из-под подушки.

Молох сунул фотографию назад, снова развалился на своей постели, облокотившись спиной на стену. Мазнул ни о чём не говорящим взглядом по мужику. Новенький, видать. Хотя, судя по меткам на пальцах, между которых зажал сигарету, скорее, постоянный клиент. Постоялец.

– А чёта ты не приветливый нифига, – протянул с ухмылочкой, ожидаемо нарываясь. Всё-таки бывалый. Новички, когда в камеру впервые попадают, начинают срать с порога и ищут себе самый дальний угол.

– Эй, мужик, не лезь к нему! – крикнул Кривой из-за стола, потягивая чифирь. – Молох псих, черепушку тебе раскроит в два счёта.

Кривой не врал. Сам однажды испытал на себе возможности и плохое настроение Елисея. Черепушку Молох ему тогда не раскроил, но потрепал знатно. Так что тот неделю в

больничке кровью харкал. После того случая он, собственно, и стал Кривым. Потому что полморды у него теперь не работает – паралич лицевого нерва. Легко отделался. Он Молоха вообще прирезать хотел, имел право Кривого прикончить. Кажется, ему тогда помешали, а потом как-то остыл, да и забылось. Сам Кривой с тех пор паинькой стал.

– Да ладно? Такой крутой он у вас тут, да? А смотрящий кто? – затягиваясь дымом сигареты без фильтра, мужик продолжал буравить Молоха взглядом.

– Ну я, – слышалось тяжёлое из-за спины мужика. – А что такое? Чего шумишь? Ты здесь новенький, так веди себя хорошо, – подал голос смотрящий, он же Верховой. Стальной мужик. И с виду, и внутри. Единственный, кого здесь уважительно, не по кликухе, а по фамилии называют, и единственный, с кем Молоху не пришлось драться.

– А ты не серчай, смотрящий. Я тут ненадолго. Так, забежал познакомиться. Вот коечка мне эта понравилась. А тут этот, со сладкой рожей засел. Не скажешь ему подвинуться? А я подмажу потом.

– Свободную шконку бери. Эта уже занята, – отрезал Верховой, но мужика такой ответ явно не устроил. Залётный беспредельщиком оказался. Видал Молох таких и не раз. Любят они попонтоваться, драку устроить. Любят учинять беспорядок и кровь пускать. Иногда таких к ним запускают специально. Чтобы не расслаблялись. Пока сидельцы друг друга мочат, менты отдыхают. Не на руку им, чтобы зэки

сплачивались и дружили.

– А этот у вас что, немой? – никак не унимался надоедливый гость, и Елисей вздохнул. Всё-таки не обойдётся без крови.

– А может, отвалишь всё-таки? – ответил ему уже сам. – Поверь, тебе эта шконка не нужна.

– О! Глядите-ка, так он же ещё и говорящий! А я думал, ты тут местная шмара. Им вроде как базарить с нормальными пацанами не дозволено, – «нормальный пацан» с печатью вечного порока и непроходимой тупости на узком лбу поклоунски развёл руками. – Ну, раз шконку нельзя, тогда, может, на бабу свою дашь передёрнуть? – усмехнулся, явно радуясь своему остроумию и даже не подозревая, что его ждёт за подобную шутку. – А, парниша? Как тебя там? Алёша Попович?

Рука зэка потянулась к подушке Молоха, вытащила оттуда её снимок.

– Это ты зря, – покачал головой Кривой и от греха отсел подальше. – Ой, зря...

Молох поднялся. Просто встал. Но мужики в камере напряглись, повторили манёвр Кривого, отдаляясь от будущего поля брани.

– Елисей.

– Чё? – оскалился зэк.

– Елисей. Меня зовут Елисей Молохов, – и одним чётким ударом ребра ладони вогнал кадык зэка ему же в глотку.

– Поединок окончен, – мрачно констатировал Кривой, глядя на тело, корчащееся у ног Молоха в луже собственной крови.

– Блядь... Вот блядство, – выругался Верховой, хотя обычно запрещал орать матом в камере. – Ну, Молох! Ну ёлки-палки! Ну нахера, а?!

Елисей не ответил. Все и так знали. Трогать ЕЁ фотографию нельзя. Это приговор.

Не потому, что Молох хранил её под подушкой, как хранят, к примеру, снимки матери, жены, дочери. Нет. Только он может на неё смотреть. Смотреть и ждать того момента, когда вырвет змее её проклятое жало, которым она его отравила. Которым свела его с ума и предала.

Выдернул из руки зэка снимок, стёр с него капли крови и положил обратно под подушку.

– Вот чумной, а, – покачал головой Кривой.

– Ну бля, опять шмон начнётся. Мне только с воли кореша мобилу подкинули, – застонал кто-то из зэков, но к Молоху, разумеется, вопросов ни у кого больше не осталось.

Разошлись по своим углам, делая вид, что ничего не произошло. А когда в камеру войдут надзиратели, все уставятся на них равнодушными взглядами и на вопрос, кто убил зэка, скажут, что сам упал. Споткнулся. Бывает.

Никто не сдаст Молоха. Будут молчать даже стукачи. Потому что все знают: ему скоро на свободу. Ему скоро сводить счета. Он не задержится здесь ни на день, ни на минуту.

Он достанет её, хоть откуда. И выдерет суке её поганое, прогнившее сердце. Уничтожит всё, что она получила от его врагов за своё предательство. За то, что выдрала из него душу своими тонкими, длинными пальцами и сожрала её у него на глазах.

Он запомнил суд, приговор которого прозвучал десять лет назад. Запомнил всё: каждое её слово, каждый торжествующий взгляд, брошенный на него. Запомнил, как из зала, нежно приобнимая за талию, её уводил тот смазливый хлыщ. Как склонился к её шее и поцеловал. Так, чтобы Елисей всё видел. Молох помнил всё.

Он бы удавил её ещё тогда, в зале суда. Если бы его не заперли в клетке, где самое место зверью. Но теперь зверь выходит на свободу. И как же близка расплата...

ГЛАВА 4

2010 год

– Ну ты даёшь, Резак. Какого хера ты её пырнул?

– Она сама налетела, – вяло огрызнулся Резак. Надо же, как ему идёт погоняло. Видать, я не первая на его финку налетела.

Открыла глаза, но разглядеть рожи ублюдков не смогла. Заволокло глаза какой-то пеленой. Это, наверное, из-за потери крови. Я чувствовала, как она выливается из раны, обжигая бок. Горячая, липкая, пахнувшая железом и чем-то

сладковатым.

– Ну, и чего теперь с ней делать? – спросил кто-то.

– Да чего-чего, загрузим сейчас Мартыну в тачку, пусть вывозит. В посадку нахер. Ей уже пиздец. Вот-вот скопытится, – ответил ему второй.

– Даааа, жалко, – заговорил третий почти человеческим голосом. В том смысле, что проскользнуло в нём сочувствие. – Попользовать-то так и не успели, – а, нет. Всё нормально. Показалось просто, что среди этой кодлы затесался один нормальный человек.

Блядь, как же меня так угодило?

Отключилась где-то посреди дороги. Меня закинули в багажник, чтобы не испачкала кровью сидение тачки, а я не была против. Я вообще уже с трудом соображала, что происходит, и слышала только собственные стоны. По мере того, как рана вспыхивала от боли, мои стоны становились всё чаще, но тише. В итоге я просто вырубилась, а когда открыла глаза, меня уже вытаскивали из багажника.

На улице было темно, и я не смогла разглядеть морды того уроды, который собирался выбросить меня, как какой-то мусор. Зато видела звёзды и большой, круглый диск луны.

Почему-то подумалось, что они могут меня прикопать. И я зашевелилась, пытаюсь выбраться из рук волочившего меня мужика. Тот матюгнулся, перехватил меня за руки крепче и потащил дальше. Второй шёл за ним, раздавая указания, а я... Я просто безвольно волочилась по земле и тихо всхли-

пывала от боли. Лучше бы я с Мартышкой сегодня осталась. Лучше бы голодной сидела. А теперь что? Меня же никто не найдёт. Да даже искать никто не станет. Пропала Сонька.

Закапывать не стали. Бросили в каких-то кустах, сами же ушли. А я, изо всех пытаюсь не отрубиться, поползла назад, на звуки их голосов. Только не здесь... Только не так... Я ещё маму не нашла. Я ещё не разбогатела. Я ещё ничего не успела.

Стараясь экономить силы, не плакала и не издавала ни звука. Если меня услышат бандюки, могут вернуться. И тогда я точно не выползу из этих зарослей. А когда кусты закончились, и я, собравшись с духом, встала на ноги, передо мной вдруг всё ожило и зашевелилось. Загорелись огни во-круг и резко, будто волной, накрыло шумом города.

Я не в посадке! Я в городе! Где-то на окраине, но всё же в городе. А прямо передо мной какой-то бомж в мусорном баке копается.

– Чё? – прокаркал он осипшим, пропитым голосом, а я, словно неразумная, улыбнулась.

– А где я? – спросила дедка, но тот, схватив свой скарб в мусорном дырявом мешке, быстро пошёл в обратную сторону. То есть я из кустов, а он туда.

Прижав руку к раненному боку, заскулила, и снова померкло в глазах, но я упрямо схватилась за край мусорного бака и сделала шаг вперёд. Не сдамся. Не упаду, пока дышу. Не позволю каким-то тварям лишить меня всего, о чём меч-

таю с детства. Я всего добьюсь. Я выкарабкаюсь.

Только дойду хотя бы вон до того дома. Попрошу кого-нибудь вызвать скорую, не все люди одичали. Взять хоть ту бабулю, которая мне плед подарила. Эх, мой пледик... Точно Мартышка вшей там заведёт. Зря оставила. Надо было с собой забрать.

Хлопнув дверью, нажал на кнопку, и машина пару раз моргнула фарами. Втянул воздуха побольше, достал сигарету. Закурил, не торопясь подниматься домой. Да и домом съёмную хату не назвать. Так, временное убежище. Всё равно придётся менять через пару дней. И так задержался здесь. Даже слишком.

Дёрнул молнию кожанки вниз, стащил куртку. Вроде прохладно на улице, а ему душно. Это чуйка начала трепыхаться. Как и всякий раз, когда чувствовал опасность. Пора, значит, валить отсюда. Вот только отоспится от очередного заказа и в путь.

Всё не задалось с самого первого дня в этом поганом городе. Впрочем, как и в предыдущем. Молохова тошнило от заказов, от заказчиков и от прочего дерьма, которым пропиталась вся его жизнь.

Воняло кровью, даже когда заходил в кофейню, где, кроме кофе, других запахов не может быть в принципе. Воняло предательством и ложью, когда очередной новый русский

заказывал ему своего друга, захотевшего кусок побольше. Воняло баблом, которое ему под нос подсовывали жертвы спецслужб, чтобы откупиться от собственной гибели в его, Елисея, лице.

Всё воняло и отвращало его до такой степени, что хотелось проблеваться. От своей работы, от самого себя.

Толкнув дверь, вошёл в подъезд, провонявший мочой и пивом, которое тут еженощно сосут малолетки. Мог бы райончик и получше найти. Но конспирация же, блядь...

Прямо у своей двери остановился, быстро окинул подъезд на наличие кого-то ещё... Кого-то, кроме подыхающей на площадке девки.

Обычно подставу он чувствовал спинным мозгом. Иногда задницей. Но всегда чувствовал. А сейчас нет. Только кровью снова воняло. На этот раз вполне обоснованно. Девка уже отходила, о чём свидетельствовала неестественная синева губ и нетрезвый взгляд куда-то сквозь него.

– Помо... – он не расслышал её просьбу о помощи, скорее, прочитал по губам.

Вздыхнул. Елисей уже давно отвык жалеть людей. Даже баб. Сам, правда, на них никогда не брал заказы, но знал тех, кто не гнушался и ребёнка грохнуть. Такова жизнь. Если кто-то кому-то мешает, его убирают. Выживает сильнейший или тот, у кого больше бабла. Хотя ни одного из денежных мешков, которых заказывали Молохову, бабло не спасло.

– Эй, живая? – спросил её зачем-то, хотя уже и так понят-

но – если он сейчас оставит её, девке конец. А с другой стороны, ему оно надо?

Надо. Если бросить её на лестничной клетке, уже через час-два тут будет полно ментов. А ему лишний раз светиться не хотелось. Склонился, схватил её за шиворот, дёрнул вверх.

– Я об этом пожалею, – буркнул раздражённо и подхватил её на руки. Девчонка была такой лёгкой, словно не ела месяц. Вся в кровищи, в грязи. Ещё и мычит что-то.

– Спасибо... – прошептала, когда занёс её в квартиру, и закрыла глаза. Плохой знак.

ГЛАВА 5

Очнулась я на чём-то относительно мягком, и даже не во-няло дерьмом и плесенью, как обычно бывает в заброшках или ночлежках для бездомных. И этот факт сразу же заставил испугаться, дёрнуться. От боли потемнело в глазах, и я вскрикнула, падая обратно на диван. Да, это был диван. Разложенный, огромный. А на нём ещё и постель, пахнувшая свежестью и ополаскивателем. Я помнила, как пахнет ополаскиватель для белья. Всегда любила этот запах. Аромат уюта и дома.

Прижала руку к боку, скривилась. Острая боль ушла, на её место пришла тупая, ноющая. Блин, как же это со мной случилось-то?

Не особо напрягаясь, вспомнила все ужасы вчерашнего

дня. Лучше бы забыла... Правда, сейчас, в сравнении с возможной угрозой и новой опасностью, происшествие в бане казалось чем-то сродни кошмарного сна. Если бы не раненый бок.

В комнате было темно. Шторы плотно задернуты, поэтому трудно определить, какое сейчас время суток, но на тумбочке рядом горит настольная лампа. Как-то тускло, приглушённо. Обитатели этого дома явно не любители яркого света. Чего не скажешь обо мне. Мне бы оглядеться детальнее, осмотреться вокруг. В доброту человеческую я уже давно не верю. Если мне предоставили кров и даже уложили на диван, значит, что-то потребуют взамен.

Я много раз слышала и даже видела, как девчонки пропададут с улиц. Причём не важно, сколько ей лет. Часто таких, как я или даже возраста Мартышки, вылавливали уроды вроде вчерашнего Михея, заталкивали в свои тачки и увозили в неизвестном направлении. А мы, оставшиеся, могли лишь гадать, куда их девали. То ли в бордель какой для извращуг, то ли на органы за бугор. Люди с улицы – золотая жила для всяких мразей. Их никто не будет искать, они никому не нужны. Если помоложе – можно в тот же бордель, если товар не ходовой – как бесплатную рабочую силу. Вот и прятались, как крысы по подвалам да заброшкам. И надо же было мне так тупо попасться.

Более-менее оглядевшись и убедившись, что я в комнате одна, привсталала, схватившись пальцами за подушку дивана.

Опустила одеяло, приподняла майку. О том, почему я в одних трусах, задумываться не стала. Не голая и ладно. Может, тот, кто меня сюда положил, побрезговал и снял грязную одежду – это как раз нормально. Ненормально то, что меня не оставили истекать кровью в подъезде, а занесли в квартиру, ещё и помощь предоставили. Рана была зашита, а сверху аккуратно заклеена бинтом и пластырем.

Встала на подрагивающие ноги и закрыла глаза, силясь побороть головокружение. Штормило, как заправского алкаша. Бросила взгляд на тумбочку, заметила использованный шприц и пару пустых ампул. Это что такое в меня вливали? Наркота? Снотворное?

Взяла в руки ампулу, пригляделась к названию. И всё равно ничего не поняла.

– Обезболивающее. Ты орала, как бешеная, – слышу мужской голос позади.

Первым же делом в панике осматриваю комнату на предмет путей отступления. Но понимаю, что выход отсюда только один – там, откуда доносится его голос. И жмурюсь от рези в глазах, когда в комнате включается свет.

Делать нечего, приходится повернуться к источнику голоса, и я на какое-то мгновение залипаю на его наколке на всю руку. На меня смотрит страшная кобра с открытой пастью и живыми, будто у настоящей, глазами.

Поднимаю взгляд выше, на его лицо, и оно мне сразу же не нравится. Мужик не страшный, нет. Даже симпатичный.

Высокий, весь такой спортивный и широкоплечий. Это и пугает. Зачем такому тащить к себе в дом уличную бродяжку, к тому же ещё и поломанную всю. Либо извращенец и насильник, у которого встаёт только на слабых, бездомных замарашек (которых в случае чего не кинутся), либо торговец живым товаром. В уме прикидываю, что хуже, и слабовольно заключаю, что лучше уж первый вариант. Если потом, конечно, он не станет меня расчленять.

– Здравсьте, – пытаюсь натянуть на лицо обезоруживающую улыбку. В большинстве случаев срабатывает, хотя насчёт этого шкафа у меня большие сомнения. Огромные просто.

Он, как и ожидалось, не отвечает мне взаимностью. Долго и упрямо смотрит в глаза, потом опускает взгляд ниже, и я едва не бью себя ладонью по лбу. Я же в труселях одних перед ним стою. Реагирую запоздало и как-то вяленько, потому что боль в боку становится ощутимо сильнее. Одеядло стащить с дивана получается не с первого раза. При этом я стойко выношу жуткую боль.

Мужик – а он именно мужик: здоровый, взрослый, накачанный мужик – проходит к тумбочке, ставит на неё стакан с водой и швыряет пластинку с таблетками.

– Снимает боль, – бросает, уже не глядя на меня, а потом просто выходит из комнаты.

Прислушиваюсь, вытянув шею, и немного ободряюсь, когда его шаги стихают, потому что щелчка замка не было.

Это, конечно, ещё ни о чём не говорит. Может быть запертой входная дверь, я ещё пока даже не знаю, где она находится. Но в комнате не заперли, а значит, могу выйти.

Оборачиваюсь в поисках одежды, но её нигде нет. Только мужской халат валяется на кресле – мне он, судя по размеру, точно не подойдёт. Да и нет у меня такой привычки, натягивать на себя что попало. И не от того, что я такая избирательная, просто боюсь заразы. К тому же, чужое трогать бывает чревато. Вчера мне наглядно объяснили. Хорошо, ноги унесла.

Своей одежды нигде не нахожу, а потому заворачиваюсь в покрывало и осторожно выглядываю из комнаты. Квартира небольшая, но вполне себе ничего. Интересно, он один здесь живёт или женщины тут тоже водятся? Порядок такой. Почти идеальный.

Своего спасителя (спасителя ли?) нахожу на кухне, где он самозабвенно что-то варит, помешивая ложкой в маленькой кастрюльке. Желудок громко даёт о себе знать неприличным ворчанием, а мужик выключает конфорку.

– Каша. Овсяная.

«Ой, ну не знаю... Я с незнакомыми мужчинами кашу по утрам не ем. И вообще, я не такая», – крутится дурацкая шутка в голове, но я предусмотрительно не произношу это вслух.

– Было бы неплохо, – прохожу к столу, пока он не передумал.

Каша... Кашу я не ела так давно, что уже даже не помню её вкус. А вот запах... Этот запах я ни с чем не спутаю. Мёд и сливочное масло, тающие на вершинке и растекающиеся по горке каши.

Рот мгновенно наполняется слюной, и я, как голодная собака, хватаю свою тарелку, ещё не донесённую до стола.

– Не спеши, никто не отнимет, – ворчит на меня явно ошалевший мужик, но сейчас он занимает мои мысли откровенно меньше, чем овсянка. Я готова жрать её руками или вообще, как животное, хватать ртом прямо из тарелки. Благо ложку мне всё же дают.

ГЛАВА 6

– Как зовут, сколько лет? Кто подрезал и за что? – спрашивает равнодушным, ледяным тоном, ожидая, пока его порция каши остынет.

Я же хватаю горячий, обжигаю нёбо и язык, даже горло, но глотаю, потому что это пиздец как вкусно. Я лет сто не ела тёплой еды, а о каше с маслом и мёдом вообще говорить не приходится. Не подают такое на улице.

– Сонька, – отвечаю с набитым ртом. Знакомые кличут меня «Золотой Ручкой»* не только из-за имени, но ему об этом знать необязательно. – Вчера восемнадцать стукнуло. А подрезали уроды одни, – тут в подробности не вдаюсь, но моего спасителя это, похоже, не устраивает.

– Какие уроды?

Я заталкиваю в рот очередную ложку каши и с наслаждением проглатываю её.

– Вкусно, спасибо, – улыбаюсь ему, но на этого мужика мои ухищрения не действуют. Жуткий тип всё-таки.

– Или ты отвечаешь на мои вопросы без выпендрежа, или сваливаешь прямо сейчас, – зыркает исподлобья, а я оседаю.

– Михей со своей кодлой отвезли в баню, хотели там по кругу пустить. Я сопротивлялась. Ну и напоролось на финку, – вспоминаю события вчерашнего дня уже без тени улыбки. А если бы всё-таки трахнули? Жуть... Я бы, наверное, не выдержала. Хотя... Где моё не пропадало. Всякое на улице бывает. И по морде получала, и на сырой земле спала. Правда, ни с кем не сношалась. Не пришлось как-то, да и желаний, честно говоря, не было. Не с бомжами же девственность терять. А вот продать можно было бы. Только кто ж купит? В принципе, купить могли бандюки вчерашние, будь я с ними поласковой. Но как-то не улыбалось с этими бритоголовыми мразями. Фу!

– Кто такой Михей и его кодла?

– Михей рынок наш держит. А остальные его дружки какие-то. А я под руку попалась.

– И как ты попалась ему под руку?

– Так это... Мимо шла и...

– Слушай, – он поставил свою ложку вертикально, словно собирался воткнуть её в столешницу. Я бы не удивилась. Мужик-то на вид не слабенький такой. – Ещё раз соврётся –

выкину туда, откуда вчера подобрал.

Я вспоминаю о своих вещах. Джинсы на мне были. Расстёгнутые, то точно были. А ещё олимпийка. Старенькая, но можно было носить до зимы.

Только даже если он сейчас отдаст мне одежду, я всё равно не в состоянии идти. Куда же я пойду с раскуроченным боком?

Вздыхаю. Мужик буравит меня своим пронизывающим взглядом, и я понимаю, что отвертеться не получится. Но если скажу ему, что я воровка, то вылечу из его хаты ещё быстрее.

– Он подумал, что я его обворовать хочу. А я просто мимо шла. Коснулась нечаянно. Ну и...

– Встала и свалила. Шмотьё своё в ванной найдёшь. Давай, на выход! – встал, забирая у меня тарелку с недоеденной кашей, а я схватила её обеими руками и жалобно на него уставилась.

– Подожди! Я скажу!

Мужик сел обратно, налил из бутылки молока и подвинул мне стакан. Себе плеснул из турки кофе.

– Ну?

Я быстро затолкала в себя остатки каши, облизнула губы. Ну хоть поела. Теперь пусть выкидывает.

– Я с Михея браслет сняла. Он заметил. Догнали, отвезли в баню. Хотел, чтобы я его корешей обслуживала. А потом, когда я на финку налетела, вывезли меня за гаражи. Оттуда

я пришла к подъезду, а там уже не помню ничего. Это правда, – схватила стакан с молоком и в несколько глотков опустошила его.

В этот раз мужик поверил. Долго смотрел на меня, будто ища подвох, но не нашёл, судя по всему. Встал со стула, подошёл к окну и осторожно, лишь слегка оттянув занавеску, выглянул на улицу.

– Родители твои где?

– Нету, – и, поняв, что он ожидает более точного ответа, проямлила: – Бросили. Давно уже.

– А другие родственники?

– Нету никого. И не было. Я в детдоме до четырнадцати жила. А потом... Ну, в общем, сбежала. С тех пор на улице. А тебя как зовут?

Мужик покачал головой, нахмурившись какой-то своей мысли, а потом, проигнорировав мой вопрос, выдал:

– Я сегодня отсюда съезжаю. Оставайся, пока не поправишься. Квартира оплачена до конца месяца. В холодильнике есть немного жратвы, – затем полез в карман, достал оттуда несколько бумажек, а я, раскрыв рот, застыла на деньгах жадным взглядом. – Это тебе на первое время, – швырнул на стол. – И не воруй больше. А то в следующий раз не повезёт.

Допив кофе, поставил чашку в раковину и пошёл к выходу. А я, зажав ноющий бок ладонью, слезла со стула и поковыляла за ним.

Не знаю, на что я рассчитывала и во что верила, когда шла

попятам, но как только мужик притормозил и обернулся, вопросительно уставившись, я бросилась к нему.

– Забери меня с собой!

– Чего? – будто, и правда, не расслышал тот. А может, не ожидал от меня такой наглости.

– Забери меня... – смелость моя мгновенно сдулась, а мужик как-то непонятно усмехнулся.

– В смысле? Куда забрать?

– Ну, туда, куда ты съезжаешь. Пожалуйста, – снова улыбнулась я, не теряя надежды разжалобить мужика.

Тот потёр пальцами глаза, снова посмотрел на меня. Теперь уже как на идиотку.

– Нафига ты мне сдалась?

– А я... Я любовницей твоей буду! – выпалила я и, пока сама не ошалела от сказанного, продолжила: – Носки стирать тебе буду! И убираться! И кашу варить! Только забери, а? Я не хочу больше на улицу.

– Ты дура, что ли? – задал он мне вопрос, который, в принципе, можно было предвидеть. А потом, не дожидаясь моего ответа, развернулся и пошёл в единственную спальню. Открыл шкаф, достал оттуда две спортивные сумки. Одна застёгнута и чем-то набитая. Поставил её на пол, что-то брякнуло. Что-то железное. Вторую сумку – пустую – швырнул на кровать и начал собирать в неё вещи. – Не ходи за мной, – кинул мне, даже не повернувшись. Задницей он, что ли, видит.

– А ты слышал поговорку: мы в ответе за тех, кого приручили, – выдала я на полном серьёзе, на что мужик отреагировал смешком.

– Это о животных, вообще-то. А тебя я подобрал, чтобы не завоняла под моей дверью.

– Так не твоя же дверь, какая тебе разница?

– Да, собственно, насрать. То есть разницы никакой. Ты иди, пожуй чего-нибудь, телик посмотри. Не мешай, короче.

– Так тебя моё предложение не заинтересовало? – любопытствовала я.

– Нет, – ответил он.

– Жаль, – констатировала я.

«Насрать», – подумалось ему. Наверное. Он больше со мной не говорил, а я решила не надоедать. Надо бы продумать другой план.

Сонька Золотая Ручка, она же Софья Ивановна Блювштейн – российская преступница-авантюристка, легендарная воровка.

ГЛАВА 7

2021 год

– Сегодня около двух часов ночи на улице Калымской произошла перестрелка. Стрелявшие скрылись с места пре-

ступления. По предварительным данным пострадавших нет, личности преступников, открывших огонь в одном из самых оживлённых районов города, устанавливаются.

– Ага. Установщики. Хоть раз кого-то поймали? Уже страшно на улицу выйти, среди бела дня могут пристрелить.

– Ночью... – прошептала я. – Перестрелка была ночью.

– Да какая разница, Сонь? Эти бандосы совсем уже распоясались. Как в девяностые. Ребёнка в школу страшно отпускать.

По коже пробежали мурашки, когда во весь экран показали фоторобот одного из подозреваемых... Нет... Это же не может быть он? Я вперилась в небольшой кухонный телевизор и сжала ручку чайника так, что едва её не раскрошила.

Фотороботы вообще всегда похожи друг на друга и на всех людей сразу. Понятия не имею, как по ним кого-то опознают. Вот даже этот взять. И наш сосед сверху подойдёт, и мой муж, и он... Хотя в реальности ничего схожего у этих троих нет.

Так, может... Показалось?

Я вдруг взглянула на календарь, который дочка сделала в школе своими руками и вручила мне на Восьмое марта. Какое сегодня число? А месяц... Это же в этом месяце! Как я могла забыть? Он освобождается в этом месяце!

И, отыскав нужный день, едва не рухнула на пол прямо с чайником, полным кипятка.

Он уже освободился. Неделю назад.

Вряд ли он участвовал в той перестрелке. Не его уровень. Молох всё делает сам и делает это тихо. А сейчас он, скорее всего, ищет меня. Как и пообещал тогда. Молох всегда сдерживает свои обещания. И никогда не остаётся в долгу.

– Сонь, ты что? – Володя коснулся моей руки, а я дёрнулась, встрепенулась и поняла, что разлила чай.

– Я... Ой! Есь, подай мне тряпку.

Дочка оторвалась от планшета, выполнила мою просьбу.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – уже более настойчиво поинтересовался муж, а я улыбнулась. – Обычно, когда ты так уходишь в себя, мы начинаем готовиться к очередному переезду.

Я вздохнула, заглянув в обеспокоенное лицо мужа. Жаль его. Хороший он. И не заслужил такую, как я. Не заслужил мотаться по разным уголкам бескрайней родины. Он заслуживает хорошую, любящую жену, послушную дочь и полную чашу. Но ему досталась я с тяжким грузом прошлого, и теперь нам приходится защищать своё будущее, то и дело сбегая.

– Да нет... Просто вспомнила кое-что. Надо сегодня забежать в школу, занести деньги на новые шторы.

– Опять? – муж раздражённо цыкнул. – Что там за шторы такие, которые никто не видит, но на них регулярно собирают дань?

– Я не знаю, Володь. Сказали до завтра сдать.

– Да уж. Недешево нам эта новая школа обходится. Есе-

ния, а что у тебя с оценками?

Дочка бросила на меня быстрый взгляд, но я успела прочесть в нём просьбу о помощи. Ах да. Мы же вчера тройку отхватили.

– Всё нормально у неё с оценками, не цепляйся, Володь. Лучше на работу поторопись, опаздываешь уже.

– Ох ты ж... – муж вскочил, взглянув на часы, быстро собирался и завертелся в поисках ключей. – Да куда же я их...

– Вечно ты всё теряешь, – улынулась, положив ему на ладонь ключницу.

– Ну что бы я без тебя делал, а? – выдохнул муж, а я подставила щеку для поцелуя.

– Постоянно искал бы ключи.

– Это точно, – чмокнул меня в щеку, а потом, бросив взгляд на дочку и убедившись, что та не смотрит на нас, притянул к себе и крепко поцеловал в губы. – Уже скучаю по вам, девчонки.

– Ага, – вяло отозвалась Есения. – И мы, – едва ли она слушала, так, отвечала по привычке.

Муж ушёл, а я вздохнула и присела на стул.

– Мы опять переезжаем? – спросила меня Еся, а я вздохнула и пожала плечами.

– Пока не знаю.

– Понятно, – протянула уныло дочь. – Значит, опять бежим.

– Эй, – я заглянула в её глаза, так напоминающие мне того, по кому до сих пор сердце корчится в агонии. И снова будто его перед собой увидела... – Мы не бежим. Мы просто...

– Ищем убежище, – закончила фразу моя умная девочка.

– Есь...

– Да всё нормально, мам. Всё равно в этой школе одни уроды. Я не против переезда, если что.

– Ладно. Спасибо, – улыбнулась ей. Моя маленькая, но уже такая взрослая девочка. Такая похожая на своего отца. – Вообще за всё спасибо. Ты у меня золото.

– Мам, ты чего? – Есения потянулась ко мне, крепко обняла за шею. Обычно она не позволяла себе таких вольностей, особенно при Володе.

– Всё хорошо, малыш, – чмокнула её в щеку, на что дочь вспыхнула и тут же позабыла о нежностях.

– Мам, хватит, а? Я сколько раз просила не называть меня малышом. Мне уже десять, между прочим.

– Да-да, я помню, – подняла руки в защитном жесте. – Ты моя взрослая девочка.

ГЛАВА 8

– Ну что, братишка, на свободу с чистой совестью? – Сеннин широко ухмыльнулся.

– Ага, типа того, – кивнул, принимая бокал с коньяком. Его совесть никогда не будет чистой. Она испачкана ещё с малолетства и не чем-нибудь, а кровью. Кровь с рук не

смыть, сколько бы лет ты ни отсидел, сколько бы ни каялся. Ты всегда будешь чувствовать на себе этот смрад, его не выжечь даже кислотой.

– И что дальше?

– Пока не знаю, – пожал плечами. Он, и правда, не знал. Хотелось начать новую жизнь, оставить весь мусор, всё дерьмо в прошлом и больше к нему не возвращаться. А в идеале махнуть куда-нибудь за бугор, жарить мулаток на берегу какого-нибудь океана. Но она не отпускала. Мысли о том, что эта сука где-то рядом, о том, что она уже давно забыла о нём, о том, что сделала с ним – они убивали.

Пашка кисло усмехнулся.

– Если есть желание поработать, могу скинуть твой контакт заинтересованным людям. За десять лет многое изменилось, но цены на услуги профи твоего уровня стали намного выше.

Молох покачал головой, допил свою порцию.

– Нет. Я больше не работаю.

– Ну, как знаешь, – Сенин развёл руками. – Я в любом случае рад тебя видеть. Жаль, что так вышло всё. Зря ты не разрешил эту тварь грохнуть. Плевать, что баба. Такое не прощают.

Не прощают. Молох и не собирался. Но позволить её пришить Андрюхе или кому-то ещё он не мог. Это только его дело. Потому что она только его. Предавшая его сука. Но сука его. От его руки она и погибнет. Как погиб он десять лет

назад.

– Я сам с ней разберусь.

– Ладно, понял. А что у тебя с Хаджиевыми? – перевёл разговор на другую тему Сенин. – На них теперь работаешь?

– Я ни на кого не работаю, ты же знаешь. Так, помог одному из них кое в чём. Мне не мешает этот человек в должниках.

– Ну а теперь куда?

– На острова, – усмехнулся. – Поеду загорать.

– Ладно. Если что, ты зови. Кстати, ну так, на всякий случай: я знаю, где она. Мои ребята за ней наблюдали. Раз в год-два она переезжает со своей семейкой в другой город. Но мы вели её всё время, чтобы не исчезла.

Молох опустил взгляд на опустевший пузатый бокал, где на дне всё ещё плескалась янтарная капля. Грудную клетку сжало тисками боли, аж затрещали рёбра. Глотку передавило стальной петлёй, и он едва не захрипел от удушья.

Наверное, потому и не торопился искать её. Знал, что найдёт. Знал, что увидит её другую. Не ту, которая с ним была. Ту, которая теперь с другим. Значит, всё-таки с другим. Неужели тот щегол на ней женился и ребёнка заделал?

– Семья?

Пашка сначала не понял его вопрос. А когда дошло, тяжело вздохнул.

– Только не говори, что до сих пор эту... любишь? Спустил десять лет, из которых все десять отмотал из-за неё? После

всего? Серьёзно?

– Давай ты не будешь тут включать мамку. Я бухать сюда пришёл, а не нотации твои слушать. Что с семьёй там? Говори, раз начал.

Сенин, закурил, не спеша наполнил бокалы. А потом задержался на Молохе долгим взглядом.

– Семья как семья. Муженёк, дочка, съёмные квартиры. Счастливая ходила, сияла вся. Пока ты зону топтал, да баланду жрал, – не удержался Пашка. – В своё удовольствие баба живёт. Бабла-то немерено у неё. Хули, совесть-то свою удачно загнала.

– Муженёк, говоришь? Этот? – уточнять Елисей не стал, но Сенин его понял с полуслова.

– Да не. С тем расстались они. Сразу же, как тебя закрыли. Но эта долго не страдала. Уже через месяц замуж выскочила, фамилию сменила.

Молох скривился от разлившейся во рту и глотке горечи. Даже вкус коньяка не перебил.

Счастлива, значит? Дочку растит, с мужем спит. Тварь. Действительно тварь. Хотя было бы странно ожидать чего-то другого от бабы, слившей его за бабло.

Он помнил её слова, брошенные ему с ехидной усмешкой на последнем заседании суда. Сколько их было, заседаний этих? Пять? Семь? Десять? После тех слов он уже не считал.

– *Что ж ты сделала, сука? Я же достану тебя. Ты же не спрячешься от меня нигде, – прошипел, проходя мимо неё.*

– Сделала то, чего всегда хотела. Купила себе новую жизнь, – ответила, улыбнувшись.

А он лишь покачал головой, глядя в ледяные змеиные глаза той, кого любил больше, чем себя. От того и боль от её предательства была невыносимой. Посадил бы его какой ушлый прокурор, не было бы так паршиво. Не выворачивало бы его наизнанку. Но она...

За что?

Его затолкали в клетку и захлопнули дверь. А потом начался ад.

– Ладно. Дай мне адрес, раз уж знаешь.

– Сейчас? Уверен? – Пашка нахмурил брови. – Может, попозже? Отдохни, приди в себя.

– Адрес давай!

Сенин вздохнул, полез в карман за мобильником.

– На вот. Записывай.

Молох пробежался взглядом по экрану телефона, кивнул.

– Запомнил.

Далеко она спряталась. Только Елисей обещал ей, что достанет. Достал бы в любом случае. Даже без Пашки и без хвоста его. Достал бы её из-под земли, с самого ядра вырыл бы голыми руками.

А потом, как следует упившись, снял бы какую-то тёлку и потащил бы её в гостиничный номер. Долго сношал бы, повернув к себе спиной, чтобы не видеть лица. Чтобы вместо шлюхи видеть её. Вгонять в неё свой член и слышать, как

орёт. Рвать блиндину на части, на куски её дербанить. А после вышвырнуть из номера и завалиться спать.

Во сне снова видеть её, тот грёбанный суд, её глаза. И мечтать. Мечтать, чтобы эта дрянь исчезла из его головы навсегда. Чтобы прекратилась эта многолетняя пытка. Потому что он отмотал не один срок. Он отсидел целую вечность. Сотни, тысячи лет.

ГЛАВА 9

У меня нет подруг, увлечений. Не бывает беззаботных дней, когда я ни о чём не беспокоюсь и не готовлюсь к очередному переезду. Я всегда готова бежать и скрываться, прятать дочь и защищать свою семью.

Я живу так уже десять лет. С тех самых пор, как предала единственного родного человека. Каждый день просыпаюсь в ожидании жестокой расправы и ни на минуту не забываю слова Молоха, брошенные мне в последнюю нашу встречу. На последнем заседании суда, после которого его отправили по этапу, а я бросилась в бега, чтобы спастись от тех, кого он мог послать по мою душу.

Но Елисей всегда был умным и хитрым. Он мог убить человека так, что тот не успевал ничего понять. А мог продлить агонию так надолго, что жертва сама начинала просить спустить курок.

В случае со мной он решил растянуть пытку на долгие годы. Так, чтобы я ждала свою гибель каждый день, каждую

минуту. Чтобы помнила и боялась. Чтобы ждала его возвращения каждую секунду.

Восемьдесят семь тысяч шестьсот часов – именно столько их в десяти годах. Каждый из которых я либо бодрствовала с мыслями о своём предательстве, либо спала и видела кошмары, где Молох возвращает мне долг.

Страх – единственное чувство, которое со временем не притупляется. Иногда оно ненадолго засыпает, а потом снова поднимается в душе девятым валом и начинает играть новыми красками, сводя тебя с ума.

На улице было сыро и промозгло. Даже не скажешь, что скоро новый год. Я вышла из машины, чтобы покурить, но, как только достала из пачки сигарету, на школьное крыльцо огромной, шумной компанией высыпали дети. Некоторые разбились по компашкам, разбрелись в разные стороны. И только моя дочь зашагала ко мне в гордом одиночестве.

– Привет, а ты чего здесь? – Есения озадачено нахмурилась. – Ты что там, куришь? – попыталась заглянуть мне за спину.

Быстро сунула сигареты в задний карман джинсов, показала руки.

– Ничего я не курю. Вот за тобой приехала, – невинно улыбаюсь, но дочь не провести. Слишком похожа на своего отца. Умна не по годам, подозрительна и всегда внимательна.

– С чего это? – щурится Еська и, заглянув в салон, находит взглядом бумажный пакет из любимой кондитерки. – И

пирожные купила... Что-то случилось?

Вздыхаю.

– Эркюль Пуаро ты мой доморощенный. Я что, не могу побаловать дочь сладостями? Или, быть может, не могу забрать её из школы?

– Мааам, – тянет предупреждающе дочь. – Что случилось?

– Да ничего особенного. Просто нам нужно сейчас держаться вместе.

– Он вышел из тюрьмы, да? – с первого выстрела дочь попадает в цель, и я болезненно морщусь.

– Слушай, я не хочу, чтобы ты тоже жила в страхе. Просто не думай об этом и...

– Да или нет, мам? – допытывается дочка, и я, признав поражение, киваю. – Блин... А папа знает?

– Пока нет, но придётся ему сказать.

– Опять поругаетесь?

Пожимаю плечами и выдавливаю из себя неискреннюю улыбку. Конечно же, поругаемся.

– Куда поедем? – Еся открывает дверь и плюхается на пассажирское. А мне в этот момент думается, что я самая хреновая мать в мире. Страшно. Страшно даже не то, что я со своей семьёй бегаю по стране, как умалишённая, скрываясь от призраков прошлого. Жутко, что моя малолетняя дочь так спокойно относится к новому нашему забегу по России.

Да, у меня тоже было нелёгкое детство. Если вообще бродяжничество, воровство и вечный голод можно назвать дет-

ством. Но и я не стала хорошей матерью, несмотря на то, что дочь моя спит в мягкой постели и вкусно ест... У неё тоже нет детства. Так же нет друзей, нет возможности жить, как остальные дети. Не прячься, не скрываясь, не опасаясь.

– Мам, ты чего? – слышу её голос и привычно растягиваю губы в улыбке.

– Ничего, задумалась. Ну что, поедем домой? Надо вещи собрать ещё.

– А что, уже съезжаем? Прямо сегодня?

– Я пока не знаю, – пожимаю плечами. – Сегодня, может, завтра. Ты готова?

– Норм, – улыбается мне дочь, и я захлопываю дверь машины.

Доезжаем до дома, сбавляем скорость, минуя толпы людей. В животе скручивается тугой узел тревоги, сводит лопатки и рёбра. Взглядом выцепляю машину Володи. Он собирался сегодня приехать раньше...

– Что там такое? – выглядывает в окно дочь, а я напряжённо скольжу взглядом по подъезду, откуда выходят работники скорой и выносят кого-то на носилках.

Может ли это быть совпадением? Вполне. Да и в нашем дворе карета скорой помощи – постоянная гостья. Старики болеют, дети. Время сейчас сложное. Хотя когда было по-другому?

Вытягиваю шею, медленно проезжая мимо санитаров с носилками, и с ужасом вижу, что на них лежит мой Воло-

дя. Резко торможу, слышу возмущённый вопль дочери, хватаюсь за ручку, чтобы броситься к мужу, но останавливаюсь. Застываю, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. А когда нахожу его в толпе, гложу на несколько секунд, а может, минут. Он смотрит мне в глаза, а сзади кричит дочь и тормошит меня за плечо.

– Мама! Мам! Очнись, мам! Ты слышишь? Разблокируй дверь! Там папа Володя! Мам?! – голос Есении вонзается в моё сознание болезненным до ужаса уколом, и я, вжав педаль газа до упора, срываюсь с места.

ГЛАВА 10

– Мам, с тобой всё хорошо? – дочь заглядывает в моё лицо, пока я допиваю второй стакан воды. Не помешало бы чего-нибудь покрепче, но сейчас я должна быть бдительной, как никогда. Володю уже проворонила. Теперь нужно уберечь Есению. Если с ней что-нибудь случится, я просто погибну. Не смогу этого выдержать.

– Ты там увидела его, да? Поэтому мы не пошли к папе Володе?

– Есь, давай сейчас не будем об этом, ладно? Сейчас я... Сейчас отойду и поедем дальше.

– Куда дальше, мам? А папу мы оставим так? Да мы даже не знаем, что с ним.

Мотаю головой, хотя понимаю: я вынуждена это сделать. Должна его оставить. Иначе Молох нас выследит. В принци-

пе, он и так выследит. Я помню, как он разыскивал своих жертв. Никакой ищейке не сравниться с этим зверем. Он чует жертву похлеще любого хищника. И выслеживает, загоняя в ловушку, словно маньяк.

Когда-то я очень хорошо его знала. И любила его вот таким, каким он был. Любила этого безумного зверя, несмотря ни на что. Тогда я просто не знала, что однажды он будет выслеживать меня. Как всех тех, кого ловил раньше, чтобы убить.

– Нам нельзя возвращаться, Есь. Это опасно. Он там... Он будет ждать нас.

– Но как же папа Володя? А если ему помощь нужна? – узнаю свою совестливую дочь. Они с отчимом никогда не были по-настоящему близки. И вроде не враждовали, вполне спокойно сносили друг друга, но родными так и не стали. Володя был с ней строг, а она как-то больше тянулась ко мне, что вполне объяснимо.

Нет, я всё же не такая и плохая мать, раз воспитала такую правильную девочку. Меня-то никто не воспитывал... Кроме Молоха.

– Я понимаю твоё беспокойство, Есь, – начинаю осторожно, чтобы не травмировать дочь ещё больше, чем уже есть. На сегодня, пожалуй, достаточно. – Но мы сейчас ему ничем не поможем. Его отвезли в больницу, и там медики о нём позаботятся. А нам сейчас нужно спрятаться, понимаешь? Чуть позже, когда всё уляжется, мы обязательно найдём тво-

его... Мы его найдём, и всё будет хорошо. Я уверена, Володя не пострадал. Не сильно... – мои оправдания выглядят жалко. Я и сама жалкая до омерзения. Не смогла защитить свою семью. Думала, смогу убегать вечно. Дура! Какая же я дура. Я же хотела уехать в другую страну. Но повелась на уговоры мужа и решила остаться. Лучше бы я тогда уехала одна с дочерью. Лучше бы развелась. Лишь однажды я предположила, что у меня может быть другая жизнь. Лишь однажды позволила себе обмануться, и вот, имею то, что имею. То, что заслужила. Теперь моя дочь в опасности, а Володя... Что с ним – я вообще не знаю. И что самое страшное: я сейчас думаю о нём, о человеке, с которым прожила столько лет, меньше всего. Куда больше меня беспокоит Есения.

Я помню, у Молоха были принципы. Он никогда не трогал женщин и детей. Но то было до зоны, куда я же его и упекла. Кто знает, в кого он превратился там. Кто знает, на что он способен, лишь бы причинить мне боль. Ведь не зря же начал с мужа.

– Красивая, – жадно проводит ладонью по груди, слегка зажимает между пальцев сосок. Я выгибаюсь и голодно потираюсь о его член бедром. Плоть тут же каменеет, увеличивается до невероятных размеров. — И такая порочная, – вздыхает. — Однажды ты меня погубишь, – произносит вполне серьёзно, а рука его поднимается по груди выше, останавливается у шеи. — Погубишь, да?

Я беру его руку своими, целую пальцы. Каждую фалангу,

каждую подушечку.

– Ни за что. Я тебе никогда не причиню боль.

– Смотри мне, – задумчиво скользит взглядом по моему лицу. — А то я утоплю тебя в боли.

Я не верила, что такое возможно. Не думала, что мы когда-нибудь станем врагами. И до сих пор, вспоминая то, с какой бешеной одержимостью он меня любил, я не верю, что он сможет меня убить. А вот превратить мое существование в не проходящий кошмар – вполне.

– Ещё воды? – слышу над головой недовольный голос официантки. Женщина в возрасте, выглядит уставшей. Едва ли ей сейчас доставляет удовольствие таскать мне бутылки с водой.

Я перевожу взгляд на Есению. Дочь испугана. Вяло перебирает тонкими пальчиками салфетку и с тревогой поглядывает на меня.

Нет, так не пойдёт. Она не должна жить в страхе. Я должна собраться и защитить свою малышку. У меня, кроме неё, нет никого. А у неё – кроме меня.

– Принесите нам поесть, – оглядываю небольшую кафешку и прикидываю, можно ли вообще здесь питаться. Потому что моя дочь не привыкла есть фастфуд и прочий яд. Да и я, честно говоря, уже давно не роюсь в мусорных баках в поиске чего-нибудь пожевать. Прошло то время. Своим предательством я купила себе и своему ребёнку безбедное существование. В плане финансов, разумеется. Что касается всего

остального... Тут я прогадала. – Давайте овощную нарезку, что-нибудь мясное и... – ловлю на себе сразу два удивлённых взгляда. – У вас есть молочные коктейли? – Женщина ошарашенно кивает, а я добавляю: – Ванильный, пожалуйста.

Официантка быстро уходит, обрадовавшись возможным чаевым, а дочка доликает мне в стакан воды.

– Я не голодна вообще-то, – храбрится.

– Меня это не волнует. Ты должна поесть, потому что нам предстоит долгая дорога. Я не позволю ему нас найти, поняла? Всё, дай сюда свой телефон.

Есения недоверчиво протягивает мне гаджет, а я тут же без зазрения совести крошу вилкой тоненькую трубку, совсем недавно подаренную ей на день рождения.

– Мам, ты что?! – вскидывается дочь, а я молча проворачиваю то же самое и со своим телефоном.

– Пока обойдётся без соцсетей и прочего дерь... В общем, так нужно. А теперь давай, ешь. Я в туалет схожу и вернусь, – забираю с собой сломанные смартфоны и ухожу, чтобы не разреветься при дочери.

ГЛАВА 11

Облокотившись на раковину, реву и тихо матерюсь. Смотрю в зеркало на своё отражение, вспоминаю тот день, когда погибала в подъезде одиннадцать лет назад. Неужели всё было зря? Зря Молох меня спасал? Зря любил?

Мотаю головой, резким движением смахивая со щек вла-

гу. Нет. Не зря. Потому что там, в зале кафе, сидит моя девочка. Моя малышка. Она не зря появилась на свет.

И чтобы всё вдруг не потеряло свой смысл, я должна защитить дочь.

Умываюсь ледяной водой, чтобы привести себя в чувство. Не время раскисать. Пора вспомнить, кто я. Пора вспомнить, что я сделала. Я не имею права прятаться за жалостью к себе.

Выбрасываю сломанные трубки в мусорное ведро, промокаю лицо бумажным полотенцем и, глубоко вдохнув, выхожу в зал. И тут же упираюсь помутневшим взглядом в широкую спину, обтянутую кожаной курткой.

Мне не нужно видеть его лицо, чтобы узнать. Не нужно чувствовать его запах, чтобы понять: он здесь. Сидит напротив моей малышки, а та, округлив глаза, смотрит на него. И под ногами едва не разверзается земля.

– Нет... Нет! Нет! – кричу, бросаясь к ним, на что немногочисленные посетители кафе поворачиваются в мою сторону. Плевать. На всех плевать. Потому что ему ничто не помешает навредить моей девочке. Ему всё равно, где и как, кто свидетель. Молох убивал людей в самых людных местах, посреди белого дня.

Пока несусь к ним, истерично кричу и плачу. И в панике мечутся мысли, словно жалящие, обезумевшие осы. Как он выследил нас так быстро? Как догнал? Я ведь ехала сюда около двух часов, сменила несколько направлений, и за нами

не было «хвоста». Как?!

Останавливаюсь рядом со столом, хватаю дочь за руку и с силой дёргаю на себя. Есения поднимает на меня затравленный взгляд, а я вонзаюсь взглядом в Молоха. Тот приподнимает лицо, скользит колючими глазами по моему телу снизу вверх. Когда-то этот взгляд сводил меня с ума. Сейчас эффект почти тот же, только вот подтекст другой.

– Не трогай её. Со мной... Со мной делай, что хочешь. Не трогай мою семью, – произношу тихо, заикаясь и запинаясь.

А он медленно растягивает губы в злой ухмылке.

– Семью? А разве не я твоя семья? – слышу его голос впервые за столько лет и понимаю, что ужасно скучала по нему. По голосу, по улыбке, по глазам... Только сейчас они смотрят по-другому. Сейчас они смотрят на меня так, как раньше смотрели на тех, кому было суждено погибнуть от руки киллера. С превосходством и неким подобием жалости. А на дне ядовитым океаном плещется ненависть. Чёрная, жуткая, пронзительная. Накопленная годами. Она меня сожжет, уничтожит.

– Всё в прошлом, Елисей... Всё прошло. Отпусти. Я знаю, что ты меня ненавидишь. Есть за что. Прости меня. Прости за то, что предала. За всё прости. Но у меня дочь. Муж... Они не виноваты. Отпусти нас. Начни жизнь заново и забудь, – плачу, трясусь от ужаса, пряча дочь за спиной. Она обнимает меня сзади, льнёт, как испуганный котёнок. Моя маленькая девочка.

– Простить, говоришь? Забыть? – он поднимается, и я тут же превращаюсь в маленькую букашку. Как одиннадцать лет назад. Ничего из себя не представляющую, мелкую оборванку, чья дальнейшая судьба зависела от его жалости. – Ты, сука, лишила меня всего, – склоняется так, чтобы слышать его могла я одна. – Ты не только против меня свидетельствовала. Ты лишила меня себя. Лишила меня семьи, которую я хотел создать с тобой. Помнишь, я говорил, с другим не будешь? Помнишь, тварь? – Я зажмуриваюсь, но он хватает меня за лицо, сжимает пальцами скулы до боли. – Ты не будешь. Ни с кем. Больше никогда. У тебя больше не будет другого мужика, – задыхается, гневом мне в лицо дышит. – У тебя больше ничего не будет. Я лишу тебя всего, как ты лишила меня.

Он выравнивается, и я упираюсь взглядом в его грудь. Почему-то вспоминаю о татуировке, которая сейчас под тёмной кожей куртки. Страшная кобра с разинутой пастью готовится к прыжку. Пустить свой яд по моим венам, отравить. Обвиться вокруг шеи и лишит дыхания. Но я всё равно хочу её увидеть. Ещё раз коснуться кончиками пальцев.

– Я всё отдам, – поднимаю взгляд выше, на его подбородок, покрытый трёхдневной тёмной щетиной, на губы, полные, слегка потрескавшиеся. В глаза посмотреть сил нет. Я и так знаю, что там. Там мой приговор. – Все деньги, имущество... Только позволь нам с дочкой уехать, – о муже не упоминаю намеренно. Не нужно сейчас.

– Оставь себе свои сребреники*, – скривил губы от отвра-

щения. – Дешёвка поганая.

Хуже пощёчины. Больше раз в сто. Но я знала, что он скажет. Как знала и самого Молоха. Он не прощает. Он ненавидит предателей. И он, правда, меня любил.

Только любил не так, как принято показывать в сладко-приторных мелодрамах. Он любил меня по-своему. Грубо, жёстко, иногда даже жестоко. Так, как не любил никто ни до него, ни после.

С Володей у нас то, что принято считать идеальными отношениями. Он всегда советовался со мной, даже по мелочам. Он всегда прислушивался ко мне, и окончательное решение мы принимали вместе. Он любил спокойный, классический секс три-четыре раза в неделю, после чего всегда потечески целовал в лоб, и засыпали мы в обнимку.

С Молохом у нас было всё с точностью до наоборот. Поначалу я долго не могла привыкнуть к мужу, потому что он казался мне скучным и пресным. Тогда мне уже было с чем сравнить. После Елисея, который трахал меня, как умалишённый, по несколько раз за ночь, после наших бурных скандалов и не менее безудержных примирений, Володя мне напоминал пушистого одуванчика. С одной стороны – это хорошо. С таким мужем удобно и уютно, как в тёплых тапочках зимним утром. Но с другой... Невероятно грустно. Потому что авторитарные личности, вроде Молоха, покоряют полностью. Прогибают под себя, иногда ломают. Проникают в мозг, в кровь и вырабатывают зависимость на генном уровне.

не. Я была от него зависима.

Елисей никогда не был деспотом с раздутым самомнением, нет. Но для него всегда и везде существовало лишь одно верное мнение – его. Он был в нашей маленькой семье единоличным лидером, и сейчас, глядя на упрямый подбородок, я снова вспомнила те дни. Самые счастливые и самые несчастные дни своей жизни. Его слова, брошенные мне в последнюю встречу перед этапом. И то, как больно было видеть его глаза в тот момент.

Он не отпустит. Никогда.

– Ты же меня не бросишь? Никогда-никогда?

– Дура, что ли?

– Нууу, скажи мне это.

– Если попытаешься уйти, ноги сломаю – так нормально?

– Дурак! – стукнула его по груди, а Елисей усмехнулся.

– Не брошу. Я же однолюб. Значит, ты моя болячка на всю жизнь. А если сама свалить попытаешься – найду и верну. Замурую вот здесь, в домике этом.

Мотаю головой, отгоняя такие родные и в то же время ненавистные воспоминания.

– Отпусти мою дочь. Я отправлю её к родственникам мужа. Со мной делай, что хочешь.

– Мам, нееет, мааам... – заплакала дочь, обнимая меня за талию. – Пусть он уйдёт, пожалуйста!

Елисей медленно опустил взгляд вниз, на руки Есении,

сомкнувшиеся в замок на моём животе. Потом поднял глаза на меня, заиграл желваками.

Сребреник – мелкая серебряная монета. За тридцать сребреников продать – предать кого-либо из корыстных соображений.

ГЛАВА 12

Молох сам не знал, с какой целью поехал к ней домой. Убивать её сегодня не было желания. Нет. Сначала она ответит за всё, что сделала, и только потом он избавит её от мучений. Это не убийство. Это акт милосердия. К тому времени, как ему наскучит месть, она сама попросит его об этом.

Наверное, Елисею просто хотелось посмотреть на её новую жизнь. На то, ради чего он отсидел десятку. Посмотреть, как хорошо ей с новым мужиком. В общем, что-то сродни мазохизма. Странно, вообще-то. Раньше подобного за собой не замечал.

Замок на двери был хороший. Как и сигнализация. Всё новомодное, из техники последнего поколения. Сука знала, что он однажды придёт. Что ж, это радовало. Елисею было приятно знать, что она помнила его и жутко тряслась за свою продажную шкуру.

В квартире пахло кофе и шоколадом. Не изменила своим привычкам, значит. Обошёл просторное, светлое жилище, остановился в гостиной. На стене за диваном несколько фотографий в рамках. Она, ребёнок и муж. До жути больно укололо в груди. Прямо в сердце что-то воткнулось. Что-то острое, раскалённое.

На фотографии она обнимает их. Улыбается. Счастливая, радостная, светится вся. Красивая тварь. До омерзения. Почти не изменилась. С виду та же девчонка, на которой он однажды двинулся. Только шарма прибавилось женского. Формы стали мягче, женственней. И в одежде вкусы поменяла. Теперь она любит стильные костюмы и платья. Волосы раньше у неё до плеч были и вились, сейчас длинные, ухоженные. Шикарная. Шикарная сука.

Взглянул на своё отражение на стекле над фотографией, невесело усмехнулся. Отдать должное ей – добилась всего, чего хотела. А он так и остался безликим убийцей. Алчным до неё социопатом. Долбаным психом.

Прошёл на кухню, открыл пару шкафчиков, по привычке не оставляя отпечатков, и достал чашку с надписью весёлыми, скачущими буквами: «Мамин кофе не трогать, даже если он остывший». Сжал челюсти и, подставив чашку под дозатор кофемашины, нажал на кнопку. Машина зашумела, перемалывая зёрна, полился ароматный чёрный кофе, заполняя кухню новой порцией запаха. Того самого запаха, которого ему так не хватало на зоне.

Поднёс чашку к носу, вдохнул, прикрыв глаза. Так пахла она. Интересно, эта сука до сих пор напоминает шоколадку? Блядь... Она пахла ванилью и маслом какао даже там, куда он впервые целовал бабу.

Самое мерзкое, что могло с ним случиться. Думать о предавшей тебя дырке и всё ещё желать её.

Отпить не успел. Кто-то зашёл в квартиру, и ему пришлось поставить чашку на столешницу. По шагам понял – мужик. И внутри всё вспыхнуло, словно горячего нажрался.

Муж. Это её муженёк заявился. Тот, что на фотке в гостиной. Тот, кого она обнимает и счастливо улыбается. Отец её ребёнка. Тот, что трахает её по ночам, а она под ним извивается и стонет. Плечи его и спину в кровь раздирает. Она это умеет.

– Девочки, вы дома? Опять свет включённый оставила, – заворчал мужик, приближаясь к кухне, а Молох ухмыльнулся, уселся на высокий барный стул в ожидании.

– По-моему, она может себе позволить оплатить коммуналку. Ты же на богатой тёлке женился, а, Володя? – спросил, когда муженёк появился на кухне, и усмехнулся, заметив, как того дёрнуло от неожиданности.

– Выыы... Вы кто такой? Что вы здесь делаете?! – выпучил глазёнки Володя.

Молох мягко встал со стула, двинулся к мужику.

– Всегда у всех одни и те же вопросы. «Кто вы? Зачем вы пришли? Зачем вам оружие?» – медленно расплылся в

ухмылке, а Володя попятился назад.

– Я полицию сейчас вызову, уходите немедленно!

– Нуу, не разочаровывай меня. Я думал, мы для начала пообщаемся, кое-что порешаем. А ты сразу бежать. Не мужски это, когда в твой дом ввалился какой-то перец, а ты обоссался. А жену с дочкой кто защищать будет?

– О чём общаться? Что решать? Говорите и уходите! – мужик таки подобрался, шагнул навстречу. Но особо геройствовать причины пока, видать, не нашёл.

– У тебя кое-что моё. Я пришёл это вернуть.

Володя непонимающе мотнул головой.

– Вы, должно быть, что-то перепутали. Я вас даже не знаю. Соответственно, ничего вашего у меня быть не может.

Елисей склонил голову, с усмешкой зыркнул исподлобья.

– Я понял. Язык намёков не для тебя. Тогда так: ты ебёшь мою бабу. Так понятнее изъясняюсь?

Володя выровнялся, зачем-то выпятил грудь.

– Так это ты... Молох, – кивнул в подтверждение своих слов. – Значит, ты существуешь.

– А что, были сомнения?

– Что тебе нужно от нас?

Володя потянулся к карману, как ему казалось, незаметно. Елисей позволил. Оружия у этого лоха точно нет, а если бы и обнаружилось, было бы забавно.

Но Володя удивлять не стал. Достал мобильник и быстро набрал трёхзначный номер.

– Кому звонишь?

– В полицию!

– Неверно.

– Чччто? – снова шагнул назад. Ну никакого тебе мужества. Ох уж эти интеллигенты сраные. Не могла она кого-нибудь с яйцами найти?

– Выбор, говорю, ты сделал неверный, Володя. Тебе не полиция, тебе скорая нужна.

Месил рожу её муженька с удовольствием и даже каким-то садистским кайфом. Бил так, чтобы пролилось побольше крови. На стол, где они завтракали своей счастливой семейкой. На кофемашину, которая варила им кофе. На пол, по которому она ступала здесь босыми ногами. И видел ту самую картину, где она утром варит ему кашу на завтрак. Босая, в его рубашке. Красивая...

С рёвом и остервенением бил прямо в лицо, превращая его в кровавое месиво, стирая её мужика, как она однажды стёрла его. А когда отпустил бессознательное тело, оно шмякнулось ему под ноги, как кусок дерьма.

Кто-то из соседей вызвал ментов, и Молоху пришлось свалить из квартиры, прихватив с собой чашку с кофе как можно быстрее. Нет, он не потерял хватку. Скорее, даже усовершенствовал её на киче. Но что-то остановило. Что-то, чего объяснить сам себе пока не мог. Наверное, это было бы слишком просто. Слишком долго копился в нём гнев. Слишком много его. Так быстро она не отделается. Потеряет всё,

чего добилаь. Всё, что любит и ценит. И тогда он всё закончит.

Дождался ментов и медиков на улице, проследил за происходящим. И когда уже собирался уйти, неожиданно ноги приросли к земле. Он почувствовал её, как зверь чувствует свою самку. Всегда так бешено реагировал на её присутствие. Сначала учащается пульс, потом твердеет в штанах. А потом пелена перед глазами едва ли не до приступа. Сейчас было почти то же самое. Только без эрекции. Вряд ли у него когда-нибудь встанет на эту тварь. Не после того, как в ней побывали другие члены.

И только после разряда, пробежавшего по жилам, увидел её. Она ехала за рулём матовой иномарки, обеспокоенно взирала на медиков, выносящих к машине скорой помощи её муженька. Машина притормозила, а она подалась к двери, видимо, собираясь выскочить наружу, но тут вдруг заметила Елисея, глаза округлились и застыли на его лице. Качнула головой, словно не веря своим глазам, а потом отвернулась и рванула вперёд.

Молох усмехнулся. Вот она, её любовь вечная. Учужала опасность и смылась, оставив своего возлюбленного на растерзание. Елисей, и правда, собирался довершить начатое чуть попозже. Сейчас же передумал. Пусть этот ушлёпок очнётся и поймёт, что она его кинула. Как кидает всех и каждого, когда ей это становится удобным.

ГЛАВА 13

Гнал её, как озверелый. Как дичь загонял. Пока она петляла по дорогам, словно поехавшая крышей, Молох шёл по её следу с азартом голодного волка. И чем дольше она кружила в поисках убежища, тем сильнее бурлила в нём ярость.

Неужели сука думала, что сможет бегать от него вечно? Что он её не найдёт, а она и дальше будет трахаться со своим возлюбленным муженьком и воспитывать их ребёнка? Как ни в чём не бывало?

Когда заехала в какую-то придорожную забегаловку, даже разочаровался. Такое ощущение, что она с подростком имеет дело, а не с киллером высшего класса. А ведь знала, кто он. Всегда знала. Знала, на что он способен. И сама дурой не была. Могла бы свалить за бугор. Там он её всё равно нашёл бы. Но намного позже.

А теперь поздно бегать. Поздно прятаться и корчить из себя невинную овцу. Что бы он с ней сейчас ни сделал, она сама во всём виновата.

Долго стоял перед окном кафешки, смотрел на неё. Она жадно пила воду, хваталась за голову, зарываясь в волосы пальцами, и раскачивалась из стороны в сторону. Боялась тварь. Так боялась, что поджилки тряслись. А потом сломала телефоны – свой и девчонки – и пошла в туалет.

Он вошёл в кафе, проследовал к их столику и сел напротив ребёнка. На девчонку не смотрел. Боялся, что разум

окончательно помутится. Этого ребёнка она родила от другого. Как гулящая кошка, перетрахалась со всеми, кто под руку подвернулся. А он когда-то ей пообещал, что если она его не будет, то не будет и ничьей. Немного запоздало, но обещание своё выполнит. И плевать на её помёт.

А потом услышал вопль. Она неслась к ним, сбивая с ног официантку, посетителей, спотыкалась о стулья и едва не переворачивала столы. И Елисей понял... Понял, кого она так боится потерять. Не мужа, нет. Того она бросила с медиками и преспокойно смылась. Значит, не он её больное место.

Девчонка. Этот её ребёнок.

Скрипнул зубами. Он не настолько мразь, чтобы со школьницей воевать.

Ребёнка со стула будто ветром сдуло. Спрятала девчонку за спину, встала рядом. Поднял голову, медленно осмотрел её с головы до ног. Какая же красивая, тварь. И где-то под лопатками стало больно, будто ему туда полкило свинца выпустили. Когда-то это тело ему принадлежало. Пока какой-то хлыщ не соблазнил её баблом и своим холёным членом.

– Не трогай её. Со мной... Со мной делай, что хочешь. Не трогай мою семью, – скулит тихо, заикается и дрожит. А ему паршиво оттого, что её страх не вызывает в нём тех эмоций, в которых он нуждался все эти годы. Нет того удовлетворения, которого так ждал. Всё такой же злой, голодный, бешеный. Как волчара, отбившийся от стаи. Одинокий и рычащий. Перегрызть бы ей глотку сейчас. Или свернуть шею

голыми руками. Чтобы все видели. И соплячка эта её.

– Семью? А разве не я твоя семья? – как хочется ей сделать больно. Не ударить, не избить, не вывернуть руки или сломать что-нибудь. Нет. Хочется ей мучений адовых, которые нельзя унять таблеткой. Чтобы выла по ночам, жрала подушку, как жрал он.

– Всё в прошлом, Елисей... Всё прошло. Отпусти. Я знаю, что ты меня ненавидишь. Есть за что. Прости меня. Прости за то, что предала. За всё прости. Но у меня дочь. Муж... Они не виноваты. Отпусти нас. Начни жизнь заново и забудь.

И меркнет свет перед взором, потому что эта дрянь, и правда, верит в то, о чём сейчас говорит. Для неё всё так просто. Предала и забыла. Потраخалась с одним, потом с другим, опять забыла. Родила ребёнка – тоже забыла. Хоть раз она вспоминала о своих клятвах, которые ему давала? Или об этом тоже забыла?

– Простить, говоришь? Забыть? – поднялся, резко шагнул к ней. – Ты, сука, лишила меня всего, – шепчет, склоняется к её лицу, ловит испуганный выдох. – Ты не только против меня свидетельствовала. Ты лишила меня себя. Лишила меня семьи, которую я хотел создать с тобой. Помнишь, я говорил, с другим не будешь? Помнишь, тварь? – Закрывает свои блядские глаза, но он хватает её за щеки, сминая своими пальцами. – Ты не будешь. Ни с кем. Больше никогда. У тебя больше не будет другого мужика, – не хватает воздуха, будто ему глотку вскрыли, и больше нет возможности дышать. –

У тебя больше ничего не будет. Я лишу тебя всего, как ты лишила меня.

Её губы дрожат, глаза влажные от слёз. Играла она всегда красиво. До одурения. Актриса в ней погибла.

– Отпусти мою дочь. Я отправлю её к родственникам мужа. Со мной делай, что хочешь.

– Мам, неееет, маааам... – заныла девчонка, сильнее вцепившись в её талию. А Молоху захотелось оторвать малявку от её тела, как пиявку. Да только это ничего уже не изменит. Она в этом теле выросла. От другого. – Пусть он уйдёт, пожалуйста!

– Я не уйду, – прошипел, склонившись к лицу Соньки, а та покачала головой.

– Не трогай дочку. Прошу тебя, не трогай.

– Мне она не нужна. Мне нужно, чтобы ты лишилась всего, что у тебя есть. А её можешь оставить себе. Деньги, имущество – откажись. От всего откажись. Выкинь, отдай в детский дом, сожги – мне плевать. Я хочу, чтобы у тебя больше ничего не было. А потом ты разведёшься. Подпишешь бумаги и больше не увидишься с ним. Поняла меня?

Она отрывисто кивает, пятится вместе с девчонкой, прижимая ту к своему боку. А Елисей взгляд отводит, чтобы не увидеть её. Этот плод предательства. Чтобы не почувствовать запах чужого ребёнка от той, которая должна была подарить детей ему.

– Даю тебе три дня. Пошла вон.

ГЛАВА 14

2010 год

– Ты что здесь делаешь? – вздыхает устало, глухо матерится. – Как вообще сюда залезла?

Я, конечно, ожидала другой реакции. Особенно тщательно планировала пути отступления в случае, если он взбесится. Но мужик отчего-то не рассердился, только слегка расстроился. Что ж, уже неплохо.

Вылезаю из багажника, спрыгиваю на асфальт.

– Лягушка-путешественница, блин, – смотрит хмуро.

– Кто? – спрашиваю осторожно.

– Сказок, что ли, не читала?

Глупый вопрос, вот честно. Когда живёшь на улице – оно как-то не до сказок.

– Я взрослая девочка, сказками не интересуюсь.

– Как скажешь, взрослая девочка, – хлопает большой дверью джипа. – Есть хочешь? – и снова удивляет.

– Неплохо бы... – неловко топчусь на месте. Дорога была долгой, мы точно в другом городе уже. В туалет бы сбежать, да боюсь, потом не отыщу своего спасителя.

– Сортир там, – кивает на заправку.

– Не, не пойду. Ты меня здесь бросишь.

– Дурная совсем, – качает он головой. – Ты меня знать не

знаешь. А вдруг я псих какой-нибудь? Или насильник? Не думала?

Нет, если честно. Не думала. Я привыкла судить людей по поступкам.

– Ты меня спас. Значит, хороший человек, – смело смотрю в его карие глаза. Красивые. С крапинками зелёными...

– Дура ты. Я тебя спас, потому что мне это было выгодно. А не потому, что пожалел.

– Всё равно спас, – пожимаю плечами.

– А ты упрямая, да? – усмехается.

– Да.

На заправку идём вместе. Он оплачивает бензин и покупает два стакана кофе. Один даёт мне.

– Есть что будешь?

– Шоколадку можно? – бросаю жадный взгляд на полку со сладостями, а спаситель протягивает мне деньги.

– На. Бери, что хочешь. Я на улице.

Быстро хватаю несколько шоколадок, пакет чипсов и пару булок. Не уверена, что съем всё, но когда в следующий раз у меня появится такая возможность? Пока стою на кассе, поглядываю в окно. Почему-то кажется, что он меня бросит, уедет, и больше спасителя мне не видать.

Но он дожидается, пока я сажусь в машину, долго смотрит вперёд.

– Ну что, куда тебя отвезти?

Я глотаю толком непрожёванный кусок шоколада, упира-

юсь взглядом в затылок мужику.

– Я думала, мы к тебе поедem... .

– Если бы ты умела думать, то поняла бы, что в папаши я тебе не гожусь. Да и ты слегка выросла из того возраста. Рабыня мне тоже не нужна, так что носки стирать и трахаться не предлагай. Максимум, что я могу для тебя сделать – это отвезти куда скажешь. Дам денег на первое время, а там разберёшься. Ты же взрослая девочка, – последняя фраза звучит слегка насмешливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.